

Моск. новости. - 1998. - 23 авг. - с. 23

Вино, страшно далекое от современности

Съемки начались на Одесской киностудии в 1991 году, еще в СССР, и продолжились на независимой Украине. Когда Украина отказала в финансировании на том основании, что действие происходит в штате Иллинойс, а не в Полтавской губернии, создатели фильма перебрались в Москву и здесь завершили свое произведение, сегодня напоминающее письмо, извлеченное из бутылки, которая много лет плавала по морям.

Не говоря уже о том, что в картине 1998 года странно видеть Иннокентия Смоктуновского, сыгравшего здесь свою последнюю роль, сам киноязык принадлежит другой эпохе — началу даже не 90-х, когда фильм запускался, а 80-х, когда Апасян еще во ВГИКе задумывал экранизировать повесть Брэдли. Тогда не Тарантино, а Тарковский безраздельно владел умами кинематографистов, и все мечтали снимать кино тягучее, красивое и метафизическое, предельно далекое от социалистической злобы дня. Злоба дня с тех пор не раз сменилась, но Апасян довел свой замысел до конца.

Он сделал фильм, и сегодня марсиански далекий от современности, красивый до чрезвычайности и «отменно длинный, длинный, длинный» — киновариант длится два с половиной часа, а телевизионная версия около пяти. Практически все философские диалоги и монологи сохранены. Их неспешно читают актеры, удобно расположившись за столом или под деревьями, покачиваясь в креслах-качалках или лежа в постели. Камера по мере сил пытается следовать описаниям Брэдли. Написано: «одуванчики» — весь кадр залит желтым цветением. Время от времени, дабы снабдить картину еще большими кинематографическими красотами, режиссер прибегает к цитатам из любимых фильмов — от Тарковского до Иоселиани.

Странно при этом, что мотив преобразования обыденного — главный для Брэдли — в фильме

напрочь отсутствует. Абсолютно искусственный, словно вырезанный из картона чистенький мир, существующий вне пространства и времени. Новенькие качели во дворе, интерьеры с бесчисленными витражами, ступеньки, коврики, белые кровати в детской, бабушка в круглых очках — все позаимствовано то ли из сказки «Про Красную Шапочку», то ли из «Приключений Тома Сойера». Жизнь проникает в этот кукольный мир лишь це-

Завершилась долгая эпопея, связанная с производством телесериала по повести Рея Брэдли «Вино из одуванчиков». Трехсерийный фильм «Притяжение Солнца» режиссера Игоря Апасяна вскоре выходит на видеокассетах, а ближе к Новому году его покажет ОРТ.

ной совершенно героических актерских усилий. Когда Лия Ахеджакова смеется и плачет, сидя в «Машине счастья», или Иннокентий Смоктуновский в роли парализованного полковника сползает по ступенькам, чтобы дотянуться до телефона и, услышав шум большого города, умереть с блаженным выражением лица. Это, конечно же, дорогого стоит, но, увы, из другого кино.

Однако странное дело: когда смотришь картину час, два и перестаешь

ждать от нее кинематографических открытий, а начинаешь просто слушать знакомый текст, возникает ощущение, что даже такой Брэдли — прочитанный по ролям на фоне открыточных пейзажей и кукольных интерьеров, способен оказать магическое воздействие на подрастающее поколение. Нынешние дети так мало читали и мало видели, что им все это внове. Им никто не рассказывал так подробно и внятно, что такое жизнь, смерть, разлука, любовь, болезнь, старость, как может пьянить каждое мгновение бытия. И, быть может, картина Апасяна, как бы случайно попавшая в наше время, окажется для кого-то нитью, восстанавливающей преемственность поколений и связь времен? Дети в «Артеке» дали «Притяжению Солнца» приз «За самый мудрый фильм», а в «Орленке» приз за «Фильм, который я бы взял с собой в космос».

Наталья СИРИВЛЯ